ОТЗЫВ

о диссертации **Малюты Евгения Григорьевича «Гимнография князя Симеона Шаховского: идейно-содержательная специфика и художественные особенности»,** представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.1: «Русская литература и литературы народов Российской Федерации»

Е. Г. Малюта написал превосходную диссертацию — работу оригинального научного синтеза и глубокого анализа. Целью диссертации, как автор её описывает, является исследование характеристики «гимнографического творчества князя Симеона Шаховского в контексте его литературного наследия и самого автора как гимнографа». Продолжу цитату: «*Объектом* исследования, таким образом, являются гимнографические произведения и их фрагменты в составе литературного наследия князя Шаховского, а *предметом* – выраженное в них искусство гимнотворца» (С. 9). Однако, как все проницательные и оригинальные научные работы, диссертация Малюты выходит далеко за рамки своих заявленных и конкретных целей. Диссертация исследует текстологические, филологические и исторические измерения творений Шаховского. В представленной диссертации – междисциплинарный анализ, как и должно быть во всех лучших исследованиях исторических текстов.

Сложнейшая задача всех междисциплинарных исследований заключается в том, что исследователь должен обладать очень широким набором аналитических навыков. Исследователь должен знать ряд методологий, типологию литургических служб и текстов, историю периода, а также факты и, по возможности, подробности биографии автора текстов — в данном случае, Шаховского. Обычно молодой учёный лучше подготовлен в одной области, чем в других, и результатом становится несбалансированный анализ, что, в общем и целом, не всегда плохо. Неравномерность позволяет другим прийти позже и заполнить пробелы. Но в этом случае Малюта провёл тщательный и сбалансированный анализ значительной части творчества князя Симеона Шаховского.

Это актуальная тема. Шаховской не привлек к себе должного внимания. Как выразился Д. А. Ляпин, «Со временем творчество С.И. Шаховского было почти совсем забыто: его не издавали и почти не изучали, хотя упоминали в обобщающих работах или, наоборот, в трудах, посвященных узкой проблематике»[1]. Факт, что он был забыт – совсем странно и прискорбно, потому что, как заметил американский профессор Эдвард Кинан, Шаховской был «первым *intelligent*», «первым, кто претерпел лишения и изгнание за свои интеллектуальные убеждения», и «первым чисто светским человеком… который овладел интеллектуальными традициями и литературными приемами московской духовной культуры, оставаясь при этом мирянином».[2] Конечно, Кинан, чья спорная книга предполагала, что Шаховской был настоящим автором части «Переписки» Ивана IV с князем Андреем Курбским,[3] «...породила целую серию откликов самого разного порядка, формата и объема» (С. 22), как пишет Малюта. Но даже если Кинан и ошибался относительно «Переписки», он едва ли ошибался в своей общей оценке Шаховского[4].

Вот почему эта диссертация так важна. Вывод большинства учёных о том, что Шаховской не мог быть автором «Переписки», по сути, снова отодвинул Шаховского на «задний план» — как будто единственной причиной изучения Шаховского было доказать неправоту Кинана. И несмотря на несколько важных, но разрозненных работ за последние 30 лет, Шаховской оставался относительно малоизвестным. Известен он больше по репутации, чем по реальным исследованиям. Диссертация Малюты входит в число нескольких исследований (включая мое собственное), которые сегодня возрождают интерес к этому человеку.

---

[1] *Ляпин Д. А.* Послание князя С. И. Шаховского к некому другу зело полезно и обстановка при Московском дворе в первые годы патриаршества Филарета (1719-1622) // Novogardia, № 2, 2019, С. 227-42 (цитата на стр. 228).

[2] *Keenan, Edward L.* "Semen Shakhovskoi and the Condition of Orthodoxy." *Harvard Ukrainian Studies* 12/13 (1999/1989): 795–815 (цитата на стр. 795).

[3] *Keenan, The Kurbskii-Groznyi Aprocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971).

[4] В интересах полной прозрачности, я с удовольствием (и даже большой гордостью) сообщаю, что Эдвард Кинан был моим научным руководителем—мой *Doktorvater*.

Хотя исторические труды и письма Шаховского привлекли определённое внимание исследователей, диссертация Малюты посвящена наименее изученной части творчества Шаховского: его литургическим и гимнологическим произведениям. После весьма полезного историографического обзора (глава 1), в котором подчёркивается как значение Шаховского писателем, так и исследования, проведённые предыдущими учёными к настоящему времени, Малюта начинает систематический и синтетический анализ трёх групп текстов. Глава 2 рассматривает «каноны», которые Шаховской сочинял для конкретных церковных целей. Особенно важен здесь анализ Малютой «Канона Софии-Премудрости Божией», который является чрезвычайно сложной темой, которая сопротивлялась толкованию на протяжении поколения. Подход Малюты к анализу загадки «Софии-Премудрости Божией» в её отношении к Шаховскому заключается в рассмотрении источников для Канона — литургических, святоотеческих и библейских. Хотя интерпретация понимания Шаховским этой концепции только начинается, текстуальный подход Малюты, очевидно, правильный. Если тема «Софии-Премудрости Божией» остаётся загадкой, анализ Малютой этого канона делает Шаховского менее загадкой для нас сегодня, и возникает ряд новых вопросов.

Вторая группа текстов (глава 3) раскрывает многие тайны двух акафистных служб, написанных Шаховским. И снова Малюта рассматривает эти источники в фокусе по сути текстовой проблемы: поиска источников, которые лежат в основе композиций. Но Малюта также интересуется обстоятельствами жизни Шаховского, которые вдохновили многие отрывки в этих службах, и выбором святых, которые привлекли его литературное внимание. Особенно интересен, я думаю, здесь анализ акафиста преподобному Сергию Радонежскому, который является текстом, который другие, увы, изучали раньше, но никогда не в такой степени и подробно, как представляет Малюта. Связи между сочинениями Шаховского и его биографией прекрасно проиллюстрированы здесь, и Малюта внёс ряд исправлений в хронологию событий в жизни Шаховского.

Третья группа текстов, которую изучает Малюта, — это своего рода смешанная группа других (литературных) источников, и здесь, возможно, наиболее интригующими текстами являются личные молитвы, написанные Шаховским. Они включают в себя молитвы хвалы святым, а также молитвы за людей в его жизни, таких как его жёны и родители. Он также составил молитвы за царя и патриарха, а также святым, связанным с трудностями, которые он перенёс в течение своей жизни, — в частности, за его несколько пребываний в ссылке. Эти молитвы являются одними из самых показательных текстов. Они раскрывают мысли и мотивы человека так же, как это сделал бы дневник. Малюта понимает историческую ценность этих молитв и исследует их биографическое содержание.

Диссертация Малюты — флюгер: она указывает направление, в котором должны двигаться те из нас, кто интересуется Шаховским. И, как и большинство хороших и новаторских научных работ, диссертация поднимает столько же вопросов, сколько и даёт ответов. Нам нужно понять, как он составлял свои каноны, службы и молитвы. Каковы были его источники? К каким книгам он имел доступ, и, возможно, даже какие книги были в его личной библиотеке? Насколько он был музыкален? Малюта указывает, например, на то, что акафисты, которые писал Шаховской, перемежались длинными хайретизмами с короткими. А некоторые из длинных почти смехотворно длинны—их очень трудно петь так, чтобы звучать элегантно или молитвенно. Может быть, Шаховской был больше человеком слова, чем музыки? И самое главное, любое обсуждение Шаховского (и, в этом отношении, обсуждение любого из великих писателей шестнадцатого и начала семнадцатого веков, потому что, безусловно, в России тогда были великие писатели) должно задавать вопрос, как такие люди—писатели, мыслители и критики — вообще появились без традиции светского образования? Может быть, пришло время отказаться от этого мифа о «молчании Руси» и признать более яркую, утончённую и оригинальную интеллектуальную культуру, чем допускалось в прошлом? Шаховской, так сказать, пробивает дверь новому способу понимания России до Петра Великого. Я надеюсь, что продолжающаяся работа Малюты о Шаховском даст такой эффект.

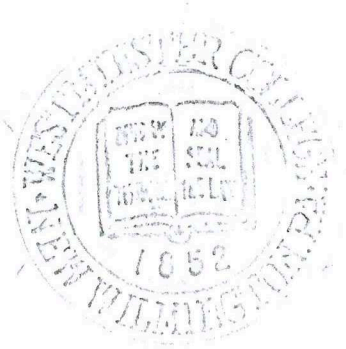
В итоге, я отмечу что ценность и научная состоятельность представленной диссертации не вызывает сомнений.

Диссертационная работа Малюты Евгения Григорьевича, представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук является законченным, самостоятельным и оригинальным исследованием. Она соответствует всем требованиям, предъявляемым к научным исследованиям такого рода. Е. Г. Малюта заслуживает присвоения ему искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1: «Русская литература и литературы народов Российской Федерации».

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

МАРТИН Расселл Эдвард / Russell Edward MARTIN
Доктор исторических наук / PhD
Заслуженный профессор истории / Distinguished Professor of History
Должность: Заведующий кафедрой истории
Место работы: Вестминстерский коллеж (шт. Пенсильвания, США) / Westminster College
Почтовый адрес: Department of History, 336 Patterson Hall, Westminster College, New Wilmington, PA 16172-0001 USA
Email: martinre@westminster.edu

Подпись:



Дата: 9 декабря 2024